

ПОСТУПОК

Дорогая редакция!

В одном из прошлогодних номеров газеты «Советская культура» была помещена статья о Расиме Мамедове, молодом художнике из пос. Сиазань, который был принят членом международной творческой организации «Общество безруких художников». Прошу вас рассказать подробнее об этом человеке.

Я. ЗАРБИЕВ,

учитель школы № 2 Исмаиллинского района.

Каждое утро с первыми лучами солнца, перекинув через плечо сумку с листами и красками, Расим торопится к себе в мастерскую, выделенную ему районным комитетом партии. И так каждый день, как на работу...

«Многоуважаемый господин Р. Мамедов!

Спешим сообщить, что на последнем заседании нашей коллегии Вы были приняты в члены общества. Поздравляем Вас и желаем новых творческих удач!

Лихтенштейн. Вадус. Общество безруких художников».

Такое вот письмо пришло в Сиазань летом прошлого года. Впервые в нашей стране двадцатитрехлетний житель поселка Расим Мамедов был принят членом этой международной творческой организации, созданной в Вадусе в 1959 году. Она служит гуманной цели — помогать мужественным людям, художникам, лишенным либо от рождения, либо в результате несчастного случая рук.

Кажется, вся Сиазань высыпала к дому Расима. Из Баку приехала съемочная киностудия.

— Всю семью на ковер, пожалуйста, — кричит режиссер, — я вам говорю: на ковер! Уберите стулья... Вообще уберите! Приготовились...

— Кадр один, — ведущий хлопнул ладонью по микрофону. Улыбаясь стрекочущей камере, он знакомит телезрителей с семьей Мамедовых.

— Мамед-даи, отец Расима, один из ветеранов управления «Сиазаньнефть», Тутуханум, мать Расима, замечательная женщина, большая труженица, Нарханум-баджи, супруга Расима. — Потом обращается к седовласому, смущенно улыбающемуся мужчине, — Мамед-даи, мы знаем, как много сделали вы, родители, чтобы Расим поверил в себя, в свои силы, волю, стал художником... И тут выясняется, что

знатный нефтяник от волнения полностью забыл текст. Не мучая себя, он тихо, но достаточно уверенно говорит: — Я горжусь своим сыном.

Снова крупным планом улыбающееся лицо ведущего: — А теперь я хочу познакомить вас с поистине героической женщиной, соратницей Расима, его супругой...

Нарханум, и без того человек по своей натуре застенчивый, а тут такие слова... Не сдержав в кулачке смех, проворно вскакивает с ковра и выбегает из комнаты. Режиссер вспотел, ворчит кинооператор: пленка на исходе!

— Ну, хотя бы последний кадр снимите по-человечески, как в сценарии! Значит, так: старший сын со словами: «Здравствуй, папа, как хорошо, что ты пришел...» — подбегает к Расиму... Где же мальчик? Фарид? Где Фарид? — кричит сценарист. — Фарид!

...В соседней комнате, что-то мурлыча под нос, рисует четырехлетний мальчик. Он старательно выводит желтым карандашом круг. Выводит первое свое солнце. Рука еще неверная, детская. Но ему это сделать гораздо легче, чем его отцу Расиму.

В одиннадцать лет Расим Мамедов лишился обеих рук.

Случилось это весенним днем. Надрывные школьные звонки со всех концов поселка известили о перемене. В Сиазани детей, что пчел в добром улье. И во время перемены поселок прямо-таки гудит от пронесшихся по улочкам потоков учеников. В одну из таких перемен пятиклассники затеяли игру в «казаков - разбойников». Расим решил спрятаться в камере высоковольтного напряжения, щит которой по халатности рабочих был оставлен открытым. Мальчик вывалился оттуда

с дрожжащими, вмиг почерневшими руками.

Решение хирурга прозвучало, как приговор:

— Срочная ампутация обеих рук.

Здесь же врачи рассказывали мне, что во время операции все взрослые сиазанцы согласны были стать донорами Расима.

...Вдалеке золотится море, похожее на гигантскую, отдыхающую под солнцем рыбину. Рыжеватый песчаный берег утыкается ей в брюхо туповатым носом, образуя светлую лагуну. Сразу же за берегом раскинулись глянцево-поблескивающие виноградные плантации. Под каждым виноградным кустом, поднятым на шпалеры, — зеленый сумрак. Пестрыми цветами кажутся издали отдыхающие после обеда в тени труженицы.

Мы с Расимом сидим на отлогом холме, что сгорбился над Сиазанью. Удивительное здесь солнце: к нему привыкаешь, и тогда оно мягкое, спокойное, молочно-белое...

Расим рисует четкими короткими мазками, прикусив от напряжения губу. Видно, порой ступню скручивает судорогой: морщась от боли, вытягивает ногу, откидывает кисть. Отвлекается от работы. Я один из немногих в Сиазани, кто видит его за работой. Во всяком случае свои работы он показывает уже готовыми, да и то редко.

— Если в жаркий день долго и пристально вглядываться вдаль, то можно даже увидеть, как струится воздух... Воздух, словно тончайшая, туго натянутая, трещащая от легких дуновений пленка. Сквозь нее многие вещи расплываются, а люди и деревья кажутся вспышками — зеленые, красные, оранжевые вспышки. И такими вот аляповатыми вольными огнями они вырываются из земли... — чувства захлестывают Расима, и он снова берется за кисть. Со мною теперь говорит тихо, почти шепотом, как бы для себя.

— Человек и в самом деле похож на пламя: и своей импульсивностью, какой-то внутренней стихийностью. А может, еще и тем, что человек, как и огонь, может быть одинаково добрым и злым, сильным и беспомощным?

— Нет, люди — доброе, сильное пламя, — не соглашается со мной Расим. Щурясь от белого солнца, с восхищением смотрит на отдыхающих в зеленом сумраке виноградарей. Он как-то признался мне, что не может рисовать то, во что не влюблен. А любит Расим рисовать больше всего землю и ее подлинных хозяев — тружеников.

Мы работаем. Расим рисует, а я пишу о нем очерк. Он и не догадывается об этом. Расим уверен, что очерки пишутся лишь о «настоящих» героях, например, космонавтах или передовиках производства...

Потом приходит вечер. Он приходит неожиданно. И вот уже густо посиневшее зеркало неба отражает последние, чем-то напоминающие эхо отблески солнца.

А на картине Расима живет день. Слово он ушел, влился в холст и теперь откуда светится добрым, каким-то особенно мягким солнцем, золотистым морем — отдыхающую гигантскую рыбину. В ее бока упирается тупоносый берег, янтарный, как спелый инжир. А за берегом — зеленое половодье. В гуще виноградников — люди, яркие, похожие на цветки пламени... доброго огня.

...С ним я познакомился, работая учителем в средней вечерней заочной школе поселка Сиазань. С самого начала меня поразила воля этого парня, нашедшего в себе силы после тяжелых и долгих восьми лет вернуться в школу. Не меньше меня, горюханина, поразило и то, что Расим уже женат, что он — отец двоих детей... Впрочем, об этом в поселке давно уже не судачили. Ведь и в самом деле не было ничего зазорного в том, что Нарханум вышла замуж по любви.

С творчеством он соприкоснулся еще в детстве: мать ткала коври, старший брат был неплохим резчиком по дереву. Однажды, когда уже постигло его это несчастье, мать пришла пораньше с работы домой и ахнула: Расим пробовал вышивать... ногами.

— Сидеть без дела — просто мука, — признался Расим, — я не верил, что нет выхода.

Как-то, прогуливаясь с ним по Сиазани, мы залюбовались красивым пенельно-рыжим верблюдом, смиренно идущим на поводке вслед за кривотолстым коренастым мужиком в ушанке. Мужчина шел уверенно и совсем не подозревал, какой он со стороны смешной и маленький. Верб-

люд, напротив, ступал как-то особенно плавно, словно боясь обжечь худые длинные ноги, и не знал о своем росте и величии. Верблюд в этих краях сейчас редкость. Все выбежали поглядеть на красавца. А наутро прибежал взволнованный Расим со своей картиной.

Учился рисовать он самостоятельно. Конечно, что-то определили природные задатки. Но представьте, какой потребовался труд!

В общем-то творчество всегда было уделом сильных духом людей. В истории искусств часты такие парадоксальные случаи, как оглохший музыкант, потерявший зрение писатель, безрукий художник... Причем, люди эти, несмотря на нелегкую жизнь, как правило, великие оптимисты. Вот и картины Расима с самого начала обрадовали меня обилием солнца, света. В его работах, пусть еще не всегда профессионально выполненных, есть главное — ощущение добра. Возможно, это исходит от самого микроклимата в Сиазани, поселка, в котором живут и трудятся очень добрые, отзывчивые люди.

— Главная тема, которой я собираюсь посвятить все свое творчество, всю жизнь, — это тема Радости, — говорит Расим. — Потому что радость живет во всем, что окружает человека. Надо стараться видеть ее, чувствовать, добиваться ее. В мире, где все так зыбко, радость кажется вечной, потому что связана с солнцем, с любовью, с дружбой, с добрым огнем. Некоторые из наиболее удавшихся своих картин хочу послать на Московский фестиваль молодежи и студентов. Трудно даже представить, сколько радости будет в те дни в Москве!

Потом Расим выходит из мастерской, в которую пришел ранним утром. Поздний луч слабо коснулся из окна недооконченного портрета.

С него на нас смотрят большие внимательные глаза. Смотрят вдумчивым прозаическим взглядом. Две крупные продольные морщины стягивают кожу, придавая молодому лицу выражение волевого. И кажется, что четкими штрихами изображен рисунок воли, сжатой в лице, как в кулаке. А вокруг — буйная пламень вольных огней.

Автопортрет Расима.

Р. МУСТАФАЕВ.
(Наш спец. корр.).
СИАЗАНЬ.